

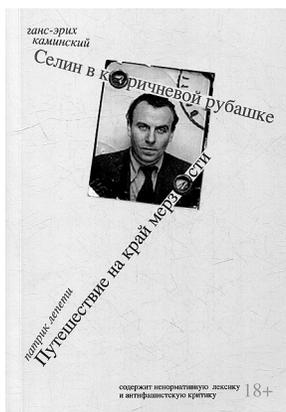
Селин, *contra et pro*

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_331

**Каминский Г.-Э. Селин в коричневой рубашке,
или Болезнь нашего времени; Лепети П. Путешествие на край
мерзости. Луи-Фердинанд Селин, антисемит и антимасон /
Пер. с фр. Ю. Гусевой.**

М.: Черный квадрат, 2023. — 220 с. — Тираж не указан.

Эта книга заслуживает внимания хотя бы потому, что является первой работой о Луи-Фердинанде Селине на русском языке. Ситуация весьма парадоксальная — как и с самой рецепцией Селина и его антисемитизма и фашизма, о чем, собственно, и пойдет речь, — ведь Селина у нас переводили и переводят, представлен он не в масштабах полного собрания сочинений, но весьма репрезентативно.

Сам же Селин остается настоящим ньюсмейкером и после смерти — в 2021 г. была найдена дотоле считавшаяся пропавшей рукопись его романа «Война». И кстати, уже в 2023 г. был опубликован его русский перевод.

О том, что специализирующееся на издании анархической литературы издательство «Черный квадрат» рассчитывало на внимание к данному изданию, может свидетельствовать и тот факт, что на прошлогодней ярмарке «Non/fiction» для этой, рассчитанной, скажем так, не на самого массового читателя книги была организована презентация¹.

О полном анализе феномена Селина, как уже можно догадаться из названия, речь в книге не идет — все посвящено его антисемитизму и коллаборационизму. Для этого привлечены две работы — одна (Ганса-Эриха Каминского) более вольного характера, другая (Патрика Лепети) претендует на более исследовательский характер, посему условно обозначим их жанровую принадлежность как эссе.

До того как обратиться к самим этим сочинениям, стоит обозначить тот спектр смыслового и исследовательского поля, в котором они существуют и существовали. Сами исследования аффилирования известных писателей и мыслителей с фашизмом стоило бы, пожалуй, уже выделить в отдельное направление, что-нибудь вроде Nazism/Antisemitism background studies. Ведь здесь находится довольно много персонажей: если мы в связи с Селином говорим о Франции, то это упомянутые по касательной в этой книге Поль Клодель, Жорж Бернанос, Морис Баррес, Марсель Жуандо, Морис Бланшо, допускаявшие в своем творчестве на разных этапах антисемитские высказывания, коллаборационисты Абель Боннар, Анри Беро, Поль Шакк, Пьер Дриё Ла Рошель, Абель Эрман, Ален Лобро и другие. Исследования и дискуссии об их неблагоприятной роли возникают не системно, но довольно часто. Достигают эти споры и нашей страны. Так, например, выходил перевод на русский

1 При участии директора издательства Михаила Цовмы, переводчицы Юлии Гусевой и исследователя Анатолия Рясова.

книги Александры Ленель-Лавастин про — даже не упомянутых в этой книге (что говорит не о ее недостатке, но о масштабе проблемного поля) — других ассоциированных с фашистской мыслью французских писателей, на этот раз румынского происхождения (!): «Забывтый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран»². Совсем недавно опубликована целая серия работ отечественного исследователя Василия Молодякова о Шарле Моррасе, лидере «Action Française»³. И если отвлечься от франкофонного мира, то любому, даже самому незаинтересованному в данной тематике читателю, думаю, попадались дискуссии по поводу Хайдеггера, его (не)участия в национал-социалистическом движении, особенно частые в связи с выходом на русском языке новых томов «Черных тетрадей».

Скажем в самых общих чертах о сути претензий (о деталях см. в рассматриваемой книге) к Селину. Действительно, национализм был свойственен ему всегда, от первого и прославившего его самого известного романа «Путешествие на край ночи» — через его антисемитские памфлеты во время войны — до поздних вещей, уже после его осуждения и защиты. И если в «Путешествии...» были некоторые пассажи про грязных негров и прочее в колониалистском духе (на что потом, гораздо позже, обратили внимание А. Негри и М. Хардт — тем значительнее, что Каминский заподозрил неладное гораздо раньше, еще до войны), а после войны Селин уже был, насколько позволял его пылкий, невозддержанный темперамент, осторожен (что не отменяет его весьма прозрачных высказываний в письмах, «Ригодоне» и «Севере», едких пассажей об Анне Франк, «раскручиваемой», на его взгляд, Голливудом, и прочего), то в своих памфлетах он был более чем откровенным антисемитом. Речь о трех его произведениях — «Безделицах для погрома» (1938)⁴, «Школе трупов» (1938) и «Попали в переделку» (1941). И в «Безделицах» можно — и без труда, это не тот случай, когда пристрастный идеологический противник находит самые зашкаливающие места для полемики — найти строчки-признания вроде: «Я хотел бы союза с Гитлером. Почему бы нет? Он ничего не говорил против бретонцев, фламандцев... Совсем ничего... Он говорил только о евреях... Не любит он их, евреев... Я тем более... И негров не люблю, когда они не у себя... Вот и все» (с. 70). В тех же «Безделицах» (вот же название!) Селин откровенничает: «Если нужны жертвенные тельцы, надо пустить кровь евреям! Я так считаю! Попадись они мне, если они доведут меня до ручки, я их всех уокошу, легко, до последнего! Се — воздаяние Человека» (с. 37).

Состоялось в полной мере у Селина и общение/сотрудничество с коллаборационистским режимом. Лепети приводит сведения о том, что он опубликовал в вишистской прессе 29 материалов и дал 12 интервью. Кроме того, Селин «может,

2 *Ленель-Лавастин А.* Забывтый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран / Пер. с фр. Е.П. Островской. М.: Прогресс-традиция, 2007.

3 *Молодяков В.Э.* Шарль Моррас и «Action française» против Германии: от кайзера до Гитлера. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2020; *Он же.* Шарль Моррас и «Action Française» против Третьего Рейха. СПб.: Нестор-история, 2021. Тема сравнения взглядов Селина и Морраса намечается и в данном издании, хотя детального рассмотрения не получает. Лепети цитирует Андре Бретона, писавшего, в частности, что «антисемитизм Селина, так называемый “интегральный национализм” Морраса, в той сверхагрессивной форме, в которой они проявлялись, — не просто рассуждения, но зерна величайших бедствий» (с. 80). И несмотря на то что Моррас и Селин в полной мере разделяли ненависть и resentment по отношению к франкамасонам, для понимания всего накала страстей нелишне будет знать и о том, что сам Селин обвинял Морраса в чуть ли не филосемитизме.

4 Не совсем оправданным представляется выбор слова «погром», а не «бойня» для перевода «Bagatelles pour un massacre».

и не слишком жаловал немцев, но все-таки насчитывал немало высокопоставленных эсэсовцев среди друзей, причем друзей верных, так как они оказывали ему существенную помощь в трудных обстоятельствах» (с. 173). Хотя, надо признать, помогли избежать сурового, вплоть до расстрела, наказания Селину не эсэсовцы, а деятели Сопротивления из числа его поклонников. Поэтому любивший жаловаться Селин был всегда склонен преувеличивать свои страдания — отделался он довольно легко. Бежал из Франции, поселился в Дании (с помощью действовавшего еще там оккупационного режима), относительно недолгое время провел в тюрьме, из которой был переведен как врач в больницу (и вот часто опять же преследовавший — и спасавший — его в жизни сюр: в тюремной больнице его одно время выдавали за жертву нацистов из концлагеря). Всего на заключение пришлось 552 дня. Затем Селин продолжал отсиживаться в Дании, организуя путем переписки по возможности кампанию в свою защиту. «Заочно приговоренный 21 февраля 1950 г. к году тюремного заключения, штрафу в 50 тысяч франков, лишению гражданских прав и конфискации половины имущества — “присяжным не хватило времени перечитать Селина” — и на следующий год амнистированный благодаря юридическим ухищрениям Тиксье-Уиньянкура и, по утверждению Аллио, неформальному “соглашению” с правительственным комиссаром, которому было поручено обвинение, писатель возвратился во Францию и обосновался в Мёдоне, где скончался в 1961 г.» (с. 180).

Как же работают с этой более чем сложной и трагической тематикой представленные в книге авторы? Небезынтересны уже их личности. У Ганса-Эриха Каминского чуть ли не авантюрная биография. Еврей, немец, в своих политических странствиях он пришел к анархизму. К анализу фашизма обратился очень рано — уже в 1925 г. издал книгу «Фашизм в Италии: основы, восхождение, упадок». Писал для многих немецких левых газет, в 1933 г., после прихода Гитлера к власти, вынужден был перебраться в Париж, участвовал и координировал, как сейчас говорят, различные антифашистские и анархические группы. Когда началась Испанская революция, переехал в Барселону. После окончания войны как гражданин Германии был на некоторое время интернирован в лагерь⁵. В США перебраться не смог и обосновался в итоге в Аргентине под другим именем, публиковался под псевдонимом.

Что касается его работы о Селине, то тут, надо быть объективным, ценнее всего ее дата. Будучи поклонником первых двух романов Селина, Каминский очень рано, возможно, даже раньше всех, увидел его антисемитскую сущность. Брошюра «Селин в коричневой рубашке» вышла в 1938 г. Содержание ее — инвективы в адрес Селина. По сути верные, они изложены в такой форме, что их очень легко самих представить объектом критики. «Мне не хватает ненависти, подумал он. Однако же, она существует. Вот только как пробудить ее? Вечерело. Сумерки окутали улицы меланхолическим туманом. Хотя стояла зима, Селин не стал включать отопление» (с. 14) — эти описания, свойственные не самой качественной литературе, и попытки интроспекции («Селин подумал... почувствовал... встал, зажег свет и разозлился...», с. 13—14) неминуемо понижают регистр разговора и даже степень доверия к его содержанию. Объясняется ли это мучительным разочарованием поклонника писателя в нем, шоком, праведным гневом? Работа ли это — лечить подобное подобным — в том же низком жанре, в котором написаны «Безделицы для погрома»⁶? Читаем

5 Тогда, увы, это было распространенной практикой — вспомним недолгое заключение в лагере Симоны Вейль.

6 А ведь в книге приводятся и цитаты из тех, кто находил в этом памфлете образец стиля!

дальше. И в сцене воображаемого посещения Селином Германии, где он с удовольствием осматривает лагерь смерти, радостно устраняется от лечения засеченного до смерти, общается с Гитлером и проститутками и ведет разговоры, в ходе которых слышит (и довольствуется ими) обоснования вроде следующего по поводу того, почему Гитлер не блондин в соответствии с арийскими расовыми канонами: «На этот счет могу успокоить вас <...> У фюрера волосы на голове действительно черные, но вот под мышками и в паху — светлые» (с. 45). Тут, с началом полного гиньоля, понимаешь — а не стилизует ли Каминский свой текст под своего некогда любимого писателя? Видимо, да, и тогда становится понятным и накал страсти, и ее оформление на письме.

Все это не заходит, однако, в такие же далекие и непоправимые области, что и у Селина с его оправданием возможных расправ над евреями, и вывод в брошюре следующий: «Я хочу избежать всякого недопонимания и выражаюсь предельно точно: я не желаю никаких репрессивных мер против него (Селина. — А. Ч.), которые могли бы ущемить его физически или морально. Я не приемлю расправы формально и безоговорочно, и если какой-нибудь читатель “Безделиц для погрома” сделает для себя другие выводы, я готов приложить все усилия, чтобы разубедить его. Думаю, что выразился достаточно ясно» (с. 65).

Каминского и нашего современника (р. 1953) Патрика Лепети объединяет одно — интерес к лиминальным, трансгрессивным практикам. Если перу Каминского принадлежит работа «Третий рейх. Проблема сексуальности» (1940), то поэту-сюрреалисту Лепети — «Сюрреализм, эзотеризм и масонство» (2014). Отсюда, видимо, и их внимание к Селину.

Работа Лепети если и не претендует в полной мере на научность, то как фундаментальное эссе ее определить вполне можно. Иной здесь и эмоциональный подход к фигуре Селина. Если у Каминского была крайне эмоциональная инвектива, то здесь скорее то, что расхоже определялось как постмодернистская ирония. Приводя одиозные цитаты из Селина или свидетельства его неблагоприятных поступков (подтасовки в выстраивании собственной биографии, лжи, манипулирования друзьями и общественным мнением и т.п.), Лепети воздерживается от прямых обвинений, позволяет судить читателю, ограничиваясь — да, едкими и многозначительными — ремарками, зачастую весьма краткими. «Одним махом как минимум пятерых побиваю, ибо наш неумный хулиган находит способ в нескольких строчках облить грязью евреев, франкмасонов, англичан, коммунистов и журналистов... Талант, иначе не скажешь!» (с. 169). «Правда, Параз добавляет фразу, которую не обязательно можно трактовать в пользу Селина: “От этого его мысль обретает лишь больше выразительности, подлинное совершенство” — да уж, поистине» (с. 124).

Эта цитата призвана не просто продемонстрировать «характер обвинения» и личный темперамент Лепети. Она показательна в том плане, что исследователь полемизирует не только с Селином (в конце концов, к 2017 г., когда была опубликована его работа, белых пятен в деле Селина осталось не так уж и много), но и с его адвокатами того времени. Их было довольно много, и то, что их свидетельства (и их мотивация) приводятся, ценно и очень показательны.

Вообще к плюсам этой работы можно отнести широкий охват смыслового поля. Кроме упомянутых свидетельств и суждений о Селине (как знаменитостей, так и тех, чье имя сейчас на слуху лишь у профессионалов) с той или иной степенью подробности разобраны многие субтемы, такие, например, как мизогиния Селина и критическая рецепция «Безделиц...», его антипарламентаризм и проблема ассоциирования в массовом сознании евреев и масонов, и т.п. Даны также история создания и восприятия памфлетов Селина и очерк процесса его реабилитации.

Более того, дело отнюдь не ограничивается, как у Каминского, лишь инвективами в адрес Селина — сделана попытка вывести исток подобного его поведения и суждений. Антисемитизм был свойственен среде мелких буржуа⁷ (которые экономически пострадали в то время и были склонны искать «внешнего врага» и находить его именно в фигуре еврейского заговора), из которой происходил Селин, и конкретно его отцу. Или же дело было в его (как у Егора Летова, что всю жизнь сражался с советским режимом, а после его краха присягнул на верность ему) настрое на борьбу и эпатаж («Я всегда буду против»)? Или же, более того, причина кроется в его тотальном пессимизме, радикальной негации всего и вся: «Черный пессимизм писателя проявляется и в “Ригодоне”, его последнем произведении — суждение безапелляционно: “Земле не нужны люди, только человекообразные... Человек — выродок, монстр, который, к счастью, рождается все реже”» (с. 100)?

Все это скорее рабочие версии для Лепети, ни быть адвокатом Селина, ни даже оправдывать его адвокатов он ни в коей степени не склонен.

Книга, выскажем робкую надежду, символизирует начало разговора о Селине в нашей стране. Фигура же Селина, оценки которого чаще всего существуют, в зависимости от воззрений конкретного читателя, в спектре «мракобес, осудить и отменить» / «гениальный писатель, невинно обвиненный», тем самым элиминируя само стремление к объективному обсуждению, этого явно заслуживает.

---

7 Что корреспондирует с мыслью Адорно из «Философии новой музыки» о том, что буржуазная культура — это питательная среда для возникновения фашизма. Впрочем, как и цитата из Адорно про невозможность поэзии после Освенцима, сейчас эта мысль превратилась чуть ли не в мем — «диктатуру мелких лавочников».